

Научная статья

УДК 343.9.018

EDN BMYOAR

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(1).25-36

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ДИНАМИКИ ПРЕСТУПНОСТИ

Ю.Е. Пудовочкин¹, М.М. Бабаев²¹ Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, г. Москва, Российская Федерация² Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

11 декабря 2023 г.

Дата принятия в печать

28 февраля 2024 г.

Дата онлайн-размещения

22 марта 2024 г.

Ключевые слова

Методология криминологии; принцип историзма; междисциплинарные исследования; историческая криминология; история преступности; динамика преступности

Аннотация. Исследование динамики преступности является важным элементом ее криминологического анализа. Вместе с тем как самостоятельная научная проблема динамика преступности остается слабоосознаваемым феноменом. Традиционный подход, состоящий в увеличении сроков статистического наблюдения над преступностью, приводит по большей части к росту степени репрезентативности данных о современном состоянии преступности и не способствует выявлению ее криминологически значимых тенденций — длинных закономерностей и отклонений от них. Решить эту проблему может методологический синтез возможностей криминологии и истории и развитие на этой основе исторической криминологии как отдельного направления в научном познании преступности. Современная преступность, какой бы смысл не вкладывался в слово «современная», должна мыслиться не как объект, заключенный в произвольно выбранные хронологические рамки, а как один из фрагментов общего развития преступности в качестве непрекращающегося социального процесса. Границы понятия «современная преступность» целесообразно определять с опорой на исследование самой преступности, уходящее хронологически на максимально возможную дистанцию. Вписать современную преступность в общую логику этого процесса и, самое главное, понять эту логику — вот важнейшая задача криминолога, обращающегося к исследованию вопросов динамики преступности. С сожалением приходится констатировать, что объяснение динамики преступности не имеет строгой теоретической основы и не представлено в криминологии в качестве отдельной теоретической концепции. Попытки интерпретации динамики преступности ссылками на криминогенные и антикриминогенные факторы, расширение эмпирического набора известных факторов не привносят в науку нового знания, поскольку они объясняют именно генезис, а не тренды преступности. Для изучения трендов, понимания причин их формирования и причин отклонений преступности от них, для признания за тем или иным движением преступности характера длительного тренда или характера отклонения требуется обращение к социальным и зачастую внекриминологическим факторам, содержательно тяготеющим к области социологии и истории.

Original article

TEMPORAL OBSERVATIONS OF CRIME DYNAMICS

Yurii E. Pudovochkin¹, Mikhail M. Babaev²¹ Kutafin Moscow State Law University, Moscow, the Russian Federation² All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2023 December 11

Accepted

2024 February 28

Available online

2024 March 22

Keywords

Methodology of criminology; principle of historicism; interdisciplinary studies; historical criminology; history of crime; dynamics of crime

Abstract. The study of crime dynamics is a vital element of its criminological analysis. At the same time, crime dynamics is hardly recognized as an independent research problem. The traditional approach consists of extending the period of observation over crime statistics and mainly results in the increase of the representative value of data on the current state of criminality; it does not, however, help to identify its criminologically relevant trends — long-term regularities and deviations from them. This problem could be solved by a methodological synthesis of the opportunities presented by criminology and history, and the development of historical criminology on their basis, viewed as an independent trend in the scientific research of crime. Modern crime, however «modern» might be interpreted, should be understood not as an object within arbitrarily chosen time limits, but as one of the fragments of the general development of criminality as a never-ending social process. The boundaries of the concept «modern crime» should be determined based on the research of criminality itself going as far back as it is possible. Inclusion of modern criminality in the general logic of

this process, and, most importantly, understanding this logic is the primary task for a criminologist studying the issues of crime dynamics. Unfortunately, it should be stated that the interpretation of crime dynamics does not have any rigid theoretical basis and is not represented as an independent theoretical concept in criminology. The attempts to interpret crime dynamics through references to criminogenic and anti-criminogenic factors, the extension of the range of known facts do not bring any new understanding because they explain the genesis, but not the trends of crime. To study the trends, understand the causes of their formation and the reasons why criminality deviates from them, to recognize some or other change in criminality as a long-term trend or a deviation, it is necessary to turn to social and, often, non-criminological factors more connected with the spheres of sociology and history.

Введение

Исследование преступности как изменяющегося феномена предполагает ее изучение с учетом фактора времени. В криминологии это самоочевидное требование воплощается в организации и проведении исследований преступности в течение некоторого временного промежутка (полгода, год и т.д.) в целях оценки ее состояния либо построения временных рядов преступности для выяснения направления и тенденций ее развития. Преступность, таким образом, предстает в первом случае как некий застывший во времени факт, во втором как движущийся объект. Эти нюансы связи преступности и времени, с одной стороны, не вызывают сложностей в понимании и в том или ином виде представлены во всех учебниках как элемент криминологической характеристики преступности. Однако с теоретической точки зрения они редко становятся самостоятельным предметом исследования, что едва ли можно считать оправданным. Развивая опыт исторического осмысления преступности, предполагающего понимание ее в качестве целостного и многослойного феномена, сочетающего в себе наследие прошлого, текущее состояние и зачатки будущих изменений, полагаем, что следует дополнительно обратиться к вопросу о содержании и формах связи преступности и времени с тем, чтобы концептуализировать ее в качестве значимой исследовательской темы.

Период криминологического наблюдения и понятие современной преступности

Преступность — это совокупность всех совершенных в государстве (или регионе) преступлений за «тот или иной период времени» — утверждают учебники по криминологии [1, с. 50; 2, с. 202]. Указание на «определенный период времени» неизменно присутствует в дефинициях. Между тем общее обоснование достаточной для криминологической оценки преступности

продолжительности этого периода практически не встречается.

Устойчивой традицией является использование ежегодных агрегированных данных о состоянии преступности. Хотя свободно распространяемые официальные формы статистических показателей преступности позволяют проводить исследования с глубиной наблюдения в шесть месяцев, три месяца и даже ежемесячно, такая практика не является востребованной в литературных источниках. Соответствующий анализ представлен лишь как часть оперативной информации, вращающейся в правоохранительных структурах. Единственный используемый в научных сочинениях временной интервал — год.

Сложившаяся традиция может быть объяснима несколькими обстоятельствами: она восходит к принципам и правилам организации государственного статистического наблюдения за преступностью; связана с общеизвестным положением «закона больших чисел», призванного нивелировать случайные отклонения в изучаемом статистическом явлении; опирается на представления об инерционном характере преступности, не способной к быстрым и кардинальным трансформациям в течение одного года.

Едва ли мы можем встретить серьезные аналитические исследования преступности, которые бы ограничивались изучением данных только за один год. Криминологи осознанно или неосознанно стремятся к тому, чтобы продлить наблюдение за преступностью в течение более длительного срока. В связи с этим возникает два вопроса: какой срок наблюдения считается предпочтительным или достаточным? и что дает увеличение срока криминологического наблюдения?

Анализ произвольно выбранных 80 авторефератов кандидатских и докторских диссертаций, посвященных криминологическим проблемам противодействия преступности, показал

различное отношение авторов к глубине криминологического наблюдения. Результаты показывают, что в 15 % случаев исследователи вовсе не стремились описать в работе избранный ими период изучения, полагая, вероятно, этот аспект анализа не имеющим существенного значения для оценки качества и репрезентативности собранных данных¹. Более чем в половине случаев выводы о состоянии преступности формулировались на основании информации, собранной в течение не более чем десяти лет, предшествовавших году защиты диссертации; в 33,7 % случаев этот период составлял пять-шесть лет. Едва ли мы ошибемся, если констатируем в качестве общего наблюдения, что пятилетний срок сбора и анализа информации о преступности воспринимается представителями отечественной науки в качестве достаточного для представления репрезентативных данных.

Теперь второй из поставленных вопросов — относительно информационной ценности пятилетнего наблюдения. Сопоставление статистических данных, отражающих показатели преступности за месяц, год и пять лет, показывает, что в основной своей массе каких-либо глобальных расхождений, значимых с социальной и криминологической точек зрения, они не демонстрируют. Преступность, описанная на основании сведений, собранных за месяц, не имеет принципиальных отличий от преступности, описанной на основании данных пятилетнего наблюдения. Это не означает, разумеется, что в течение пятилетнего срока не происходило абсолютно никаких изменений преступности, однако речь сейчас не об изменениях, а об обобщенном образе. Полагаем, что «фотография» преступности за месяц и за пять лет — это, по сути, одна и та же «фотография», только по-разному масштабированная, и потому с разной степенью точности передающая и (или) искажающая информацию о запечатленном объекте.

Увеличение срока наблюдения до пяти лет не приводит к значимой корректировке сведений преступности как «совокупности преступлений за единицу времени». Думается, что и сокращение наблюдения до одного дня дало бы

¹ Здесь надо сделать важную оговорку. Представляемая нами информация основана на изучении исключительно авторефератов диссертаций. Вполне возможно, что непосредственно в тексте самой диссертации этот вопрос освещался или иным образом оговаривался. Однако отсутствие искомых сведений в автореферате видится нам вполне симптоматичным обстоятельством.

тот же эффект. Состояние, фиксируемое этими данными, является именно со-«состоянием», а запечатленный по итогам месячных или пятилетних наблюдений образ преступности остается статическим, неподвижным.

Некоторым оправданием или объяснением сложившейся ситуации может служить то обстоятельство, что специалисты-криминологи: а) стремятся повысить репрезентативность и убедительность собранных данных, увеличивая срок наблюдения; б) сосредоточены на исследовании современного состояния преступности, предлагая меры ее предупреждения именно с учетом актуальных обстоятельств места и времени.

Эта сосредоточенность на настоящем является отличительной чертой большинства криминологических сочинений и подчеркивает их прикладную значимость. Вместе с тем эта (вполне оправданная) установка актуализирует вопрос о том, что же именно мы должны считать современной преступностью и насколько долгими должны быть наблюдения за преступностью, чтобы отделить «современное» от «несовременного».

Анализ восприятия понятия «современная преступность» в отечественной науке выявил весьма противоречивую картину. Пилотное исследование 15 авторефератов кандидатских и докторских диссертаций, в названии которых фигурировали словосочетания «современная преступность», «преступность в современной России», «преступность в современных условиях» (в различных словоформах), показал, что глубина наблюдения «современности» варьировалась от 4 до 25 лет к моменту подготовки диссертации. В четырех работах период современности составлял от 4 до 7 лет, в семи работах — от 10 до 15 лет, еще в четырех работах — свыше 15 лет. При этом в семи случаях начальная точка наблюдения «современности» совпадала у авторов с моментом начала действия уголовного закона или с моментом его серьезного изменения; в шести случаях — тяготела ко времени начала масштабных социальных преобразований в стране; в двух — специально не оговаривалась и не объяснялась.

Близкий по основным значениям, но с большими вариациями ответ на вопрос о понимании современной преступности выявил опрос специалистов. В нем приняло участие 56 чел. (в том числе 13 докторов юридических наук, 37 кандидатов юридических наук и 6 юристов без ученой степени, осуществляющих научные исследования).

В рассуждениях о «современной» преступности большая часть респондентов (31,4 %) четко указала на 2000 г. как год ее рождения, признав ее 20-летний «возраст»; еще 15,5 % (суммарно) указали, что «современная» преступность — есть преступность последних десяти лет или та, что берет свое начало ориентировочно с 2010-х гг.

На этом можно было остановиться и сказать о том, что для формулировки выводов относительно современной преступности, по мнению большинства специалистов, требуется период чуть больший, чем традиционные пять лет, как правило, 10–20 лет, хотя такое увеличение срока наблюдения и не является всегда обязательным. В любом случае это должен быть срок, достаточный для того, чтобы делать предположения не только о состоянии, но и о некоторых тенденциях и сценариях развития массива преступности, о ее движении, с целью предоставления более полной информации об изучаемом объекте. Если продолжить аналогию с изображениями, то для отображения современной преступности требуется уже не только статичная картинка, фотография, но, скажем так, анимированное GIF-изображение, картинка движущаяся.

Однако такой вывод был бы содержательно неполным.

Во-первых, стоит обратить внимание, что понимание современности у специалистов существенно различается и охватывает, согласно представленным ответам, период как в один год (с 2022 г.), так и в полвека (с 60–70-х гг. XX столетия). Это закономерно указывает на тот факт, что «современность» — понятие не только, а скорее всего не столько хронологическое, сколько социальное, отражающее не «количество времени», привязанного к сегодняшнему дню, а качественные характеристики социального пространства, которые определяют нашу жизнь «здесь и сейчас».

Во-вторых, большинство респондентов (68,4 %) подчеркнули отсутствие у понятия «современная преступность» четких хронологических границ. Наличие таковых признали лишь 26,3 %, затруднились с ответом — 5,3 %. Коррелирует этим цифрам и позиция 70,2 % опрошенных, которые указали на необходимость специального обоснования хронологических границ «современной преступности» при проведении криминологических исследований. Хотя ответы почти трети респондентов (29,8 %) об отсутствии такой

потребности наводят на мысль о некоторой недооценке самого концепта «современность».

В-третьих, в обосновании хронологических границ понятия «современная преступность», по мнению специалистов, целесообразно ориентироваться на социальные факторы, а не на продолжительность конкретного периода времени: состояние и динамика самой преступности (15,3 %); состояние социально-экономической, политической и иной обстановки в стране (23,6 %); состояние уголовного законодательства (12,5 %). Практически половина респондентов (44,4 %) отметили важность учета всех перечисленных факторов.

Наконец, в-четвертых, важным представляется понимание респондентами самого содержания современной преступности. По мнению 70 % специалистов она охватывает собой все преступления, которые совершаются в соответствующий момент времени. В то же время 16,7 % опрошенных ограничили объем «современной преступности» лишь новыми ее видами и формами. Интересно, что мнение специалистов диаметрально разошлось в вопросе относительно связи границ «современности» с видом преступности: 55,6 % указали, что в случае признания наличия хронологических границ «современной преступности», они будут едиными для всех видов и форм преступности, тогда как 44,4 % отметили, что они могут различаться у различных ее проявлений.

Анализ этих ответов в контексте рассуждений о понятии «современная преступность» и в целом связи преступности и времени, позволяет сделать несколько выводов:

1. Изучение состояния или движения преступности за определенный, заранее и произвольно выбранный период времени нельзя в строгом смысле слова считать изучением преступности. Соответствующий анализ способен предоставить информацию о применении уголовно-правовых норм, о реальной жизни уголовного закона в течение некоторого промежутка времени, но не о преступности как таковой.

2. Такой весьма распространенный подход к анализу преступности методологически связан с пониманием преступности как совокупности преступлений, совершенных в определенный промежуток времени. Жесткая привязка ко времени в данном случае исключает восприятие преступности как развивающегося явления, бытийно существующего в том числе и за пределами этого временного промежутка, тогда как

акцент на «совокупности преступлений» ограничивает взгляд на преступность, определяя ее только как на статистическое явление, для анализа которого достаточно «больших данных», независимо от времени их сбора.

3. Признание «промежутка времени» дефинитивным признаком преступности, по всей видимости, было продиктовано методологическими и идеологическими установками советской криминологической науки о преходящем характере преступности. Закономерный отказ от них и утверждение тезиса о «вечном» характере преступности требует корректировки взгляда на фактор времени в понимании преступности. Время — это не признак преступности, это условия, в которых она существует, причем условия не хронологические, а социально-исторические.

4. Представляется недопустимым в криминологических исследованиях строить предположения о динамике преступности на основании «коротких» данных, собранных за пять — десять лет. Они могут говорить об изменении показателей преступности, но не способны свидетельствовать о направленности и силе этих изменений. Это все равно, что на основании колебаний одного листа на дереве судить о силе ветра.

5. «Снятие» хронологических ограничений на понятийном уровне акцентирует внимание на динамических характеристиках преступности, требует признания того, что «состояние» преступности есть процесс либо ее изменения, либо ее сохранения, либо сочетания того и иного в различных аспектах. В логике представленных ранее аналогий с изображением состояния преступности может быть адекватно понято не посредством фотографии или GIF-анимации, но посредством полноценного фильма.

6. Изучение преступности как процесса от момента ее появления до сегодняшнего дня и через день сегодняшний до будущего — задача едва ли выполняемая, потому с методической точки зрения «фильм» должен быть разделен на серии, а преступность — периодизирована. Вычленение периодов существования преступности — самостоятельная исследовательская задача. Для криминолога наиболее ценным объектом исследования выступает современная преступность.

7. В определении границ современной преступности нельзя ориентироваться исключительно на субъективные предпочтения авторов. При том, что современность — феномен, соотносимый с личностью наблюдателя, необходи-

мы некоторые объективные ограничения для его выбора, и ограничения эти должны быть соотнесены с развитием самого наблюдаемого объекта — преступности.

8. Феномен современной преступности требует специального криминологического (!) обоснования. Его нельзя воспринимать подчеркнуто как преступность нескольких последних лет или десятилетий. Современная преступность — не хронологическая, а социальная единица. Она характеризуется переплетением процессов сохранения и поддержания устойчивости одних форм криминального поведения, видоизменением иных форм, глубокой, качественной трансформацией третьих и зарождением четвертых. Однако, чтобы идентифицировать эти процессы и понять их конфигурацию, исследователь не может ограничиться заранее заданным временным периодом. Напротив, только изучая показатели и характеристики преступности на протяжении долгого времени, он способен определить качественные особенности преступности в текущий момент времени. Именно «длинный ряд» позволяет включить в объект наблюдения прошлое преступности и более или менее ответственно прогнозировать ее будущее. Указание на современную преступность, таким образом, выступает итогом, а не начальной точкой аналитической работы.

Преступность на этапах истории и этапы в истории преступности

Поскольку полноценный анализ преступности требует выявления и понимания ее текущих специфических особенностей в исторической перспективе, обращение к научным работам по истории преступности может выступать существенным подспорьем в проведении аналитических исследований в криминологии. Однако следует учитывать важную традицию проведения исследований преступности в истории. Она состоит в том, что соответствующие работы всегда основаны на признанной в исторической науке периодизации истории и (или) вычленении в ней периодов, представляющихся наиболее важными с точки зрения данной дисциплины.

Традиция эта является повсеместной [3; 4]. Пилотный обзор 40 свободно выбранных авторефератов диссертаций на соискание ученой степени кандидата или доктора исторических наук, защищенных в России, также свидетельствует о вполне отчетливых предпочтениях в хронологии. Подавляющее большинство ис-

следований (более 60 %) посвящено истории преступности XX в., причем здесь явно прослеживается внимание к переломным моментам истории — нэпу (17,5 %) и послесталинской эпохе (22,5 %). Еще 22,5 % работ посвящены истории преступности в пореформенной России второй половины XIX — начала XX столетия.

Такое положение вещей объясняется многими факторами, в том числе доступностью первичных источников данных, состоянием научной литературы, ощущением актуальности и современной значимости того или иного периода истории и т.д. Но, пожалуй, главное, оно диктуется задачами самой исторической науки — раскрыть подробности жизни людей в тот или иной временной отрезок времени. Временной отрезок здесь имеет самостоятельную ценность, не связанную непосредственно с историей преступности. Его хронологические рамки зависят не от состояния преступности, а от политической, экономической, культурной ситуации в стране, которая определяет то или иное состояние преступности.

Было бы наивным полагать, что активизация именно исторических исследований преступности и восполнение историками хронологических пробелов позволит создать полную или целостную историю преступности. История преступности — это удел криминологов, а не историков. Однако здесь возникает значимый прикладной вопрос: насколько далеко в глубь истории должен смотреть криминолог? Как справедливо утверждает Э. Эбботт, линейная озабоченность недавним прошлым может ограничить нашу способность распознавать причинную или объясняющую значимость более ранних периодов времени [5]. Следовательно, только «криминология с длительными временными рамками (анализ исторических свидетельств за периоды по крайней мере в несколько столетий) является единственным методологически надежным средством, с помощью которого можно оценить потенциал прошлого для объяснения настоящего» [6, р. 495].

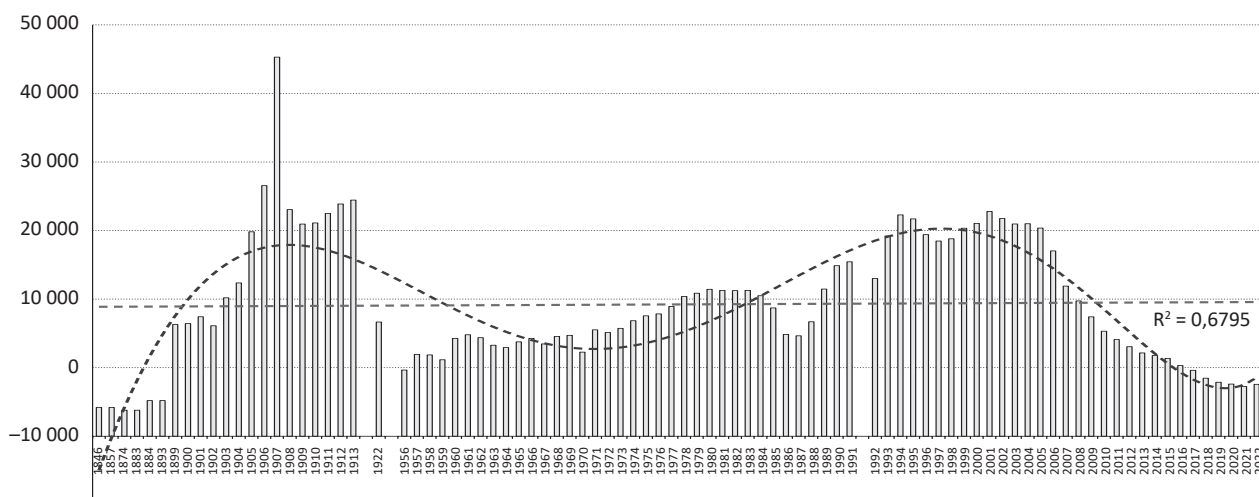
О важности «длинных» криминологических исследований советские авторы писали давно [7, с. 156]. С их суждениями сложно спорить в той же мере, в какой сложно реально организовать и провести исследование преступности на протяжении нескольких столетий. Криминологу, ориентированному на познание современной преступности, необходима какая-то «точка отсечения» (даже условная), чтобы не увязнуть

в исторических подробностях и не превратиться в криминологически мыслящего историка. Однако эта точка не может определяться: а) субъективно, когда исследователь произвольно выбирает пяти- или двадцатипятилетний период; б) с ориентацией на те или иные социальные или исторические события и процессы. Определение базового года криминологического исследования динамики преступности, — писал В.В. Лунеев, — «дело ответственное». Его необоснованный выбор может «исказить характер изменений наблюдаемого явления, на чем нередко строятся политические спекуляции» [8, с. 210–211].

Избежать ошибок можно, если к истории преступности подходить именно с криминологических, а не с исторических позиций. В этом случае преступность как протяженный во времени единый процесс может быть градирована на этапы в зависимости от направленности собственного развития. Количественный рост или снижение, повышение или понижение видового разнообразия, изменения в соотношении структурных компонентов и т.д., происходящие постоянно, в какой-то момент складываются во вполне определенную тенденцию. Период, в течение которого эта тенденция сохраняется, и есть период в истории преступности. Слом тенденции будет означать завершение одного периода и начало следующего.

Рассуждая таким образом, обратимся для примера к истории убийств и используем только один показатель — число зарегистрированных преступлений за последние 170 лет. В качестве источников данных воспользуемся сведениями, собранными историками и криминологами, а также информацией ГИАЦ МВД России [9, с. 90; 10, с. 64–65, 69; 11, с. 180; 12, с. 199–200]. Заранее оговорим все погрешности сопоставления данных об убийствах в период с 1846 по 2022 г.: они охватывают разную территорию разных государств (1846–1913 гг. — Российская империя; 1956–1991 гг. — СССР; 1992–2022 гг. — РФ), основаны на различных системах учета и разном уголовном законодательстве, содержат существенный пробел (1914–1955 гг.). Это все имеет значение. И вместе с тем даже с учетом этих оговорок история убийств предстает вполне наглядно (рис.).

Во-первых, в долгосрочной перспективе она отражает стабильный слабовосходящий линейный тренд. Во-вторых, на протяжении всей истории выделяются отчетливые периоды снижения

Динамика количества убийств за 1899–2022 гг.

Dynamics of the number of murders in 1899–2022

и повышения показателей регистрации убийств. В-третьих, отталкиваясь от показателей волнообразной динамики, вполне допустимо говорить о существовании как минимум двух периодов относительно недавней истории убийств: это период их роста с 1970 по 1996 г. и период их сокращения с 1997 по 2022 г. В-четвертых, в каждом из этих периодов есть временные участки отклонения показателей регистрации от господствующей тенденции (соответственно — падение количества убийств в 1983–1988 гг. и их рост в 2000–2006 гг.). В-пятых, распространенные суждения о 1990-х гг. прошлого века как о «лихих» не делают их в реальности особым или уникальным периодом, поскольку пики регистрации убийств продолжились в первой половине 2000-х гг. и имели место в отдаленном прошлом (1905–1913 гг.).

Воссоздание «длинной» истории преступности, однако, не имеет своей целью исключительно вычленение этапов развития преступности и обособление современной преступности для самостоятельного анализа. Это только одно из возможных направлений использования «длинных» данных, хотя и наиболее часто встречаемое.

Анализ современной преступности, помещенной в долгий исторический контекст, имеет свои особенности. Как пишет П. Лоуренс, криминология, как правило, использует исторические данные, чтобы проблематизировать или подчеркнуть сложность настоящего и современных сведений, с которыми затем разбирается «на своих собственных условиях». В итоге, ис-

следования направлены на то, чтобы «извлечь уроки» для настоящего, но не для того, чтобы объяснить настоящее. При этом искусственно создается концептуальная дистанция между современными и историческими событиями и процессами. Чем глубже в историческое прошлое путешествует человек, тем более незнакомым становится социальный пейзаж, а объяснительная сила прошлого становится обратно пропорциональной времени наблюдения. Отсюда и представления о том, что это далекое прошлое не подходит для объяснения настоящего [6, р. 497–503]. Однако такой подход, по его мысли, может быть (и должен быть) преодолен. Существует, согласно идее П. Лоуренса, три способа, с помощью которых долгосрочная историческая криминология может помочь обеспечить более глубокое понимание полезности прошлого для объяснения настоящего. Во-первых, только таким образом можно определить преемственность или историческое постоянство. Во-вторых, работа, основанная на протяженности нескольких веков, способствует осознанному пониманию роли изменений (как постепенных, так и внезапных) в создании настоящего. В-третьих, детальное изучение как устойчивости, так и изменений в долгосрочной перспективе открывает возможность выявления периодов возрождения, когда исторические условия (социальные, экономические или политические) повторяются и когда общественные или официальные меры реагирования на преступления в настоящем демонстрируют сильное соответствие более ранним периодам [6, р. 503–504].

Понимание и объяснение тенденций развития и отклонений

Преступность, если рассматривать ее как процесс, всегда есть некий набор тенденций — длинных и коротких изменений. В связи с этим основные цели криминологического анализа состоят в том, чтобы, во-первых, распознать стабильные долгосрочные паттерны преступности; во-вторых, отделить тенденции от краткосрочных колебаний; в-третьих, найти долгосрочные объяснения для устойчивых долгосрочных тенденций и более эпизодические и вариативные объяснения краткосрочных колебаний в пределах долгосрочных тенденций [13, р. 1424, 1426].

Один из существенных моментов в данном случае состоит в определении того, что считать собственно тенденцией, а что отклонением от нее.

Возвращаясь к данным о регистрации убийств, можно сказать, что в решении этого вопроса теоретически мыслятся несколько вариантов ответов, которые будут логически предопределять содержание и выводы криминологического исследования.

Во-первых, можно признать, что на всем протяжении регистрации убийств развивается единственная глобальная тенденция, выраженная на графике линейным трендом и состоящая в постепенном сокращении числа преступлений. В этом случае периоды роста регистрации убийств с 1900 по 1913 г., с 1970 по 1982 г. и с 1989 по 2002 г. являются лишь отклонением от общего тренда, который нуждается в соответствующем объяснении.

Во-вторых, если проанализировать темпы снижения преступности, можно было бы утверждать, к примеру, что одна глобальная тенденция сокращения убийств имевшая место до 1970 г., после некоторого отклонения с 1971 по 1996 г., сменилась другой глобальной тенденцией сокращения, имеющей в своей основе качественно иные факторы и потому демонстрирующая иные темпы.

В-третьих, можно утверждать, что график выражает две фундаментальные тенденции в развитии убийств: их глобальное снижение до 1970 г. и последующий постоянный рост, в рамках которого снижение регистрации убийств, отмечающееся с 2006 г. по наши дни, является всего лишь отклонением от глобального растущего тренда.

Наконец, в-четвертых, можно столь же убедительно говорить о том, что глобальный исторический тренд никогда не является однонаправленным и свидетельствует лишь о после-

довательной смене чередующихся тенденций роста и снижения убийств, что вполне наглядно демонстрирует полиномиальный тренд на графике, и что, вероятно, в скором времени период падения преступлений, начавшийся в 2006 г., закончится началом их роста.

Эти предположительные выводы, однако, должны иметь под собой теоретическое обоснование. Выяснение причин изменения, сохранения или стабилизации тенденций преступности на фоне анализа детерминирующего значения криминогенных факторов и сдерживающего значения антикриминогенных, причем рассматриваемых в исторической перспективе, призвано пролить свет на решение вопроса о том, что есть тренд и что есть отклонение от него.

Наука предпринимает много усилий для описания и объяснения изменений в движении преступности. Вместе с тем анализ литературных источников позволяет аккумулировать несколько ключевых проблем (они же недостатки) в криминологическом осмыслении тенденций преступности в качестве самостоятельной исследовательской проблемы:

1. Криминологические исследования изменений преступности носят по преимуществу описательный, констатирующий характер. «Одна весьма разочаровывающая особенность истории исследований основных изменений в преступности заключается в том, что соответствующий анализ и серьезное политическое обсуждение соответствующих тенденций в области преступности, а также обстановки и условий, которые могли их породить, проводились с существенным отставанием от того момента, когда они непосредственно происходили» [14]. Отсутствие постоянной, чувствительной ко времени программы мониторинга преступности является препятствием не только для понимания текущих тенденций преступности, но и для точного прогнозирования будущей преступности, а также своевременного представления знаний, которые могли бы способствовать разработке обоснованных политических мер реагирования на значительные изменения в преступности.

2. Как отмечают Р. Розенфельд и С. Месснер, для объяснения изменений преступности используются временные ряды и группировка данных, как правило, в зависимости от изменения некоторых объясняющих факторов, один из которых обычно нравится исследователю больше остальных. Подобного рода исследования носят по преимуществу эмпирический характер

и никогда не были подчеркнута теоретическими [15]. Они фокусируются лишь на отдельных объясняющих факторах, причем каждое исследование стремится к тому, чтобы список таких факторов расширить. К примеру, если С. Левитт установил десять факторов снижения преступности в США в 90-е гг. прошлого века [16], Э. Баумер — 12 [17], то Д. Фаррелл с коллегами — уже 17 [18]. Однако сосредоточенность на ограниченном наборе потенциальных причинно-следственных переменных всегда создает риск того, что другие потенциально значимые факторы останутся без внимания. «Ориентированная на переменные и в значительной степени атеоретическая организация исследования привела к появлению фрагментарных знаний и поместила их на периферию основной литературы по этиологии преступлений. Это способствовало созданию сложного и неорганизованного объяснительного ландшафта, который затрудняет поиск общего в объяснениях и параллелей в эмпирических выводах» [19, р. 46].

3. В силу отмеченного эмпиризма, объяснение изменений преступности не сложилось в отдельную криминологическую теорию и не связано с иными теоретическими постулатами науки. Можно предположить, что факторы изменения преступности анализируются вне контекста проблем детерминации преступности. Между этими группами детерминант есть и совпадение, и сходство, но они все же различны. Едва ли криминогенные детерминанты сами по себе могут объяснить движение преступности во времени, равно как и обстоятельства, влияющие на развитие тенденций преступности, далеко не всегда могут служить причинному объяснению самой преступности. Хотя, как пишет Р. Розенфельд с соавторами, изучение тенденций преступности так же старо, как и сама криминология, оно не является частью основной криминологической теории. Знания о тенденциях преступности изолированы от основного корпуса современной криминологической науки. Криминологи знают гораздо больше об изменениях в развитии индивидуального преступного поведения, чем о динамике совокупного уровня преступности. Этот интеллектуальный дисбаланс вызывает сожаление, потому что изучение тенденций преступности на макроуровне представляет собой стратегическую площадку для ответа на ключевые криминологические вопросы, которые не могут быть адекватно решены ни одним из подходов по отдельности [19, р. 40].

4. Криминологи сосредоточены по преимуществу на анализе близких по времени наблюдений, текущих изменений преступности. Наблюдатели за тенденциями склонны предлагать краткосрочные объяснения, «относящиеся к конкретному периоду», — констатирует Э. Баумер. Внимание криминологов к долгим тенденциям преступности, как правило, появлялось лишь во время крупных социальных и экономических сдвигов или, что еще более важно, в результате таких сдвигов [14, р. 28–32].

5. Между объяснением коротких и длинных тенденций в динамике преступности имеется определенный методологический разрыв. Короткие тенденции объясняются преимущественно эмпирически проверяемыми, конкретными факторами, которые тем не менее не могут служить основой для объяснения длинных и общих тенденций, в то время как самые обобщенные, исторически долгие тенденции преступности объясняются теоретическими разработками, далеко не всегда получающими эмпирическое подтверждение.

Однако криминологи не оставляют надежду разработать более или менее универсальную теорию для понимания, объяснения и прогнозирования криминальных тенденций. М. Аэби и А. Линд предприняли попытку системно представить разработанные в науке концепции для объяснения исторически устойчивых тенденций преступности [20]. Они выделяют четыре таких концепции:

– теория модернизации Э. Дюркгейма, предполагающая, что быстрые социальные и структурные изменения в обществе, которые порождают дистанцию между институционализированными средствами и культурными целями, являются основным источником социальных отклонений, а потому в переходные периоды истории преступность будет неизменно расти;

– теория цивилизации Н. Элиаса, который предположил, что со времен средневековья западноевропейские общества пережили ряд изменений, связанных с разделением труда, монополизацией применения насилия государством, усилением взаимозависимости между индивидами и т.д., что отразилось на изменении их образа жизни, усилении самоограничения и самоконтроля;

– теория возможностей Л. Коэна и М. Фелсона, предполагающая, что социально-экономические улучшения привели к росту преступности, поскольку они предоставили до-

полнительные возможности для участия в преступной деятельности;

— марксистская теория, которая в основном использовалась для объяснения последствий развития капитализма в докапиталистических обществах и его негативного воздействия на социальные отношения.

При этом, однако, сами исследователи признают, что в некоторых отношениях эти общие теоретические концепции «не срабатывают». К примеру, масштабная модернизация общества в конечном итоге привела к снижению преступности, а социально-экономическое развитие сопровождалось не только производством товаров, которые легче было украсть, но и производством средств безопасности и защиты этих товаров.

Таким образом, при множестве существующих подходов и многообразии содержания предложенных для объяснения динамики преступности факторов, все они обладают непреодолимым (или непреодоленным) недостатком, связанным со слабостью объяснения причинно-следственных связей между самими факторами и тенденциями преступности. Каждая из теорий стремится доказать наличие причинно-следственных связей, порой не учитывая их сложности и не принимая во внимание случайные факторы, в итоге все они и достоверны, и недостаточно достоверны одновременно [21, р. 86]. При этом социальные науки всегда оставляют значительное поле для интерпретации, которое заполняется идеологией, а потому, делают вывод М. Аэби и А. Линд, читатель обычно выбирает то объяснение, которое лучше соответствует его мировоззрению, или то, которое представлено наиболее убедительным образом с риторической точки зрения [20].

Закключение

Исследование преступности в связке со временем является важным и неоспоримым методологическим требованием криминологической науки. Вместе с тем сама эта «связь» не должна восприниматься исключительно как увеличение периода наблюдения за преступностью с целью формирования данных о ее статике. Увеличение статистического объема данных и понижение за счет этого величины погрешности исчислений не приводит к содержательным коррективам, но, напротив, ведет к представлению крайне усредненных и за счет этого порой ошибочных данных. Да и в целом информация о состоянии преступности является хотя и зна-

чимой, но все же малоинформативной. Даже в отношении такой, казалось бы, показательной единицы измерения, как уровень преступности в современной науке высказываются вполне справедливые критические замечания. «Уровень преступности в данный момент времени, — пишут Р. Розенфельд и С. Месснер, — не представляет особого интереса для криминолога. Это могло бы произойти, если бы, подобно экономистам, у нас были теоретически выведенные пороговые значения, которые говорили бы нам, что преступность слишком низка (от себя добавим — или слишком высока. — Ю. П., М. Б.). Экономист беспокоится, когда уровень безработицы или инфляции падает ниже определенного уровня. Криминологу кажется, что преступность всегда слишком высока и никогда не бывает слишком низкой. Уровень убийств в 10 на 100 000 населения и уровень краж со взломом в 500 на 100 000 населения не являются значимыми величинами для криминолога, потому что у нас нет теоретического критерия, который мог бы сказать нам, каким должен быть «нормальный» уровень убийств или краж со взломом». Эти числовые показатели преступности интересуют только в той мере, в какой можно сравнить их с более ранним или более поздним периодом [15].

Динамика преступности, таким образом, должна выйти на передний край исследовательских интересов. Это требует изменения фокуса с понимания преступности как совокупности преступлений, совершенных за единицу времени, на признание ее процессом, имеющим протяженность во времени. Такой взгляд предполагает построение длинных (как можно более длинных) временных рядов преступности, ее отдельных видов, форм и конкретных видов преступлений с целью выяснения: а) общей направленности динамики; б) совпадения или несовпадения тенденций развития различных видов и форм преступности; в) определения периодов смены направленности развития преступности; г) установления содержания тенденций и отклонений от них. Только при таком подходе можно более или менее четко зафиксировать феномен современной преступности, определить ее хронологические границы в общем процессе развития этого вида социальной девиации с тем, чтобы собрать и презентовать характеризующие ее показатели. При этом понять направленность и содержание современной преступности можно, лишь имея объясни-

тельные теории движения преступности как таковой. Причинное либо иное (включая случайное) влияние тех или иных факторов на общие тренды развития преступности, изменение направленности ее тенденций, слома тенденций и отклонений от них представляет собой, хотя

и связанную с детерминацией преступности, но относительно самостоятельную проблему, которую только предстоит решить, по возможности органично вписав в общую канву криминологического понимания преступности, ее этиологии, прогнозирования и профилактики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминология : учебник / отв. ред. В.К. Звирбуль, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский. — Москва : Юридическая литература, 1979. — 304 с.
2. Криминология : учебник / под ред. Г.А. Аванесова. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юнити-Дана, 2010. — 575 с.
3. Blauert A. Crime and History — the German Workshop / A. Blauert, G. Schwerhoff // *Crime, Histoire & Sociétés*. — 1998. — Vol. 2, № 1. — P. 137–140.
4. Tepperman A. Historical Criminology, a Moving Target: Understanding and Challenging Trends in British and American Periodization / A. Tepperman, J. Rickabaugh. — DOI 10.1016/j.jcrimjus.2022.101978 // *Journal of Criminal Justice*. — 2023. — Vol. 85. — P. 101978.
5. Abbott A. Time Matters: On Theory and Method / A. Abbott. — Chicago, IL.: University of Chicago Press, 2001. — 318 p.
6. Lawrence P. Historical Criminology and the Explanatory Power of the Past / P. Lawrence. — DOI 10.1177/1748895818794237. // *Criminology and Criminal Justice*. — 2019. — Vol. 19, № 4. — P. 493–511.
7. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. — Москва : Юридическая литература, 1985. — 416 с.
8. Лунеев В.В. Юридическая статистика / В.В. Лунеев. — Москва : Юрист, 1999. — 400 с.
9. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. / Б.Н. Миронов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. — 566 с.
10. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России / С.С. Остроумов. — Москва : Изд. Моск. ун-та, 1980. — 204 с.
11. Гернет М.Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее : 2-й вып. «Моральной статистики» / М.Н. Гернет. — Москва : ЦСУ СССР, 1927. — 270 с.
12. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Мировой криминологический анализ / В.В. Лунеев. — Москва : Норма, 1999. — 516 с.
13. Donohue J.J. Understanding the Time Path of Crime / J.J. Donohue // *Journal of Criminal Law and Criminology*. — 1998. — Vol. 88, № 4. — P. 1423–1451.
14. Baumer E. Crime Trends / E. Baumer // *The Oxford Handbook of Crime and Criminal Justice* / Tonry M. (ed.). — Oxford: Oxford University Press, 2011. — P. 50–51.
15. Rosenfeld R. The Normal Crime Rate, the Economy, and Mass Incarceration: An Institutional-Anomie Perspective on Crime-Control Policy / R. Rosenfeld, S.F. Messner // *Criminology and Public Policy: Putting Theory to Work* / Decker S., Barlow H. (eds.). — Philadelphia, PA: Temple University Press, 2010. — P. 45–65.
16. Levitt S.D. Understanding Why Crime Fell in the 1990s: Four Factors That Explain the Decline and Six That Do Not / S.D. Levitt. — DOI 10.1257/089533004773563485 // *Journal of Economic Perspectives*. 2004. — Vol. 18, № 1. — P. 163–190.
17. Baumer E.P. An Empirical Assessment of the Contemporary Crime Trends Puzzle: A Modest Step Toward a More Comprehensive Research Agenda / E.P. Baumer // *Understanding Crime Trends* / Goldberger A., Rosenfeld R. (eds.). — Washington, DC: The National Academies Press, 2008. — P. 127–176.
18. Farrell G. Why the Crime Drop? / G. Farrell, N. Tilley, A. Tseloni. — DOI 10.1086/678081 // *Crime Justice*. — 2014. — № 43. — P. 421–490.
19. Baumer E.P. Bringing Crime Trends Back into Criminology: A Critical Assessment of the Literature and a Blueprint for Future Inquiry / E.P. Baumer, M.B. Velez, R. Rosenfeld // *Annual Review of Criminology*. — 2018. — Vol. 1. — P. 39–61.
20. Aebi M.F. Long-Term Trends in Crime: Continuity and Change / M.F. Aebi, A. Linde // *The Oxford Handbook of the History of Crime and Criminal Justice* / Knepper P., Johansen A. (eds.). — Oxford: Oxford University Press, 2016. — P. 57–87.
21. von Hofer H. Crime Trends vs. Random Walk: Pitfalls of Ad Hoc Chart Reading / H. von Hofer // *Nordic Criminal Statistics, 1950–2010 : Summary of a report* / von Hofer H., Lappi-Seppälä T., Westfelt L. (eds.). 8th ed. — Stockholm: Stockholms universitet, 2012. — 88 p.

REFERENCES

1. Zvirbul' V.K., Kuznetsov N.F., Min'kovskii G.M. (eds.). *Criminology*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1979. 304 p.
2. Avanesov G.A. (ed.). *Criminology*. 5th ed. Moscow Yuniti-Dana Publ., 2010. 575 p.
3. Blauert A., Schwerhoff G. Crime and History — the German Workshop. *Crime, Histoire & Sociétés*, 1998, vol. 2, no. 1, pp. 137–140.
4. Tepperman A., Rickabaugh J. Historical Criminology, a Moving Target: Understanding and Challenging Trends in British and American Periodization. *Journal of Criminal Justice*, 2023, vol. 85, pp. 101978. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2022.101978.
5. Abbott A. *Time Matters: On Theory and Method*. Chicago, IL, University of Chicago Press, 2001. 318 p.

6. Lawrence, P. Historical Criminology and the Explanatory Power of the Past. *Criminology and Criminal Justice*, 2019, vol. 19, no. 4, pp. 493–511. DOI: 10.1177/1748895818794237.
7. Kudryavtsev V.N., Karpets I.I., Korobeinikov B.V. (eds.). *A Course in Soviet Criminology: Object. Methodology. Crime and its Causes. A Criminal*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1985. 416 p.
8. Luneev V.V. *Legal Statistics*. Moscow, Yurist Publ., 1999. 400 p.
9. Mironov B.N. *Social History of Russian over the Imperial Period (XVII — Early XX Centuries)*. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1999. 566 p.
10. Ostroumov S.S. *Crimes and their Causes in Pre-revolutionary Russia*. Moscow, Moscow State University Publ., 1980. 204 p.
11. Gernet M.N. *Crimes and Suicides during and after the War*. Moscow TSSU SSSR Publ., 1927. Iss. 2. 270 p.
12. Luneev V.V. *Crimes in the 20th Century: Global, Regional and Russian Trends. Global Criminological Analysis*. Moscow, Norma Publ., 1999. 516 p.
13. Donohue J.J. Understanding the Time Path of Crime. *Journal of Criminal Law and Criminology*, 1998, vol. 88, no. 4, pp. 1423–1451.
14. Baumer E. Crime Trends. In Tonry M. (ed.) *The Oxford Handbook of Crime and Criminal Justice*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 50–51.
15. Rosenfeld R., Messner S.F. The Normal Crime Rate, the Economy, and Mass Incarceration: An Institutional-Anomie Perspective on Crime-Control Policy. In Decker S., Barlow H. (eds.). *Criminology and Public Policy: Putting Theory to Work*. Philadelphia, PA, Temple University Press, 2010. pp. 45–65.
16. Levitt S.D. Understanding Why Crime Fell in the 1990s: Four Factors That Explain the Decline and Six That Do Not. *Journal of Economic Perspectives*, 2004, vol. 18, no. 1, pp. 163–190. DOI: 10.1257/089533004773563485.
17. Baumer E.P. An Empirical Assessment of the Contemporary Crime Trends Puzzle: A Modest Step Toward a More Comprehensive Research Agenda. In Goldberger A, Rosenfeld R. (eds.). *Understanding Crime Trends*. Washington, DC, The National Academies Press, 2008. P. 127–176.
18. Farrell G., Tilley N., Tseloni A. Why the Crime Drop? *Crime Justice*, 2014, no. 43, pp. 421–490. DOI: 10.1086/678081.
19. Baumer E.P., Velez M.B., Rosenfeld R. Bringing Crime Trends Back into Criminology: A Critical Assessment of the Literature and a Blueprint for Future Inquiry. *Annual Review of Criminology*, 2018, vol. 1, pp. 39–61.
20. Aebi M.F., Linde A. Long-Term Trends in Crime: Continuity and Change. In Knepper P., Johansen A. (eds.) *The Oxford Handbook of the History of Crime and Criminal Justice*. Oxford, Oxford University Press, 2016. P. 57–87.
21. Von Hofer H. Crime Trends vs. Random Walk: Pitfalls of Ad Hoc Chart Reading. In von Hofer H., Lappi-Seppala T., Westfelt L. (eds.). *Nordic Criminal Statistics, 1950–2010 : Summary of a Report*. 8th ed. Stockholm, Stockholms Universitet, 2012. 88 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пудовочкин Юрий Евгеньевич — профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: 11081975@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>.

Бабаев Михаил Матвеевич — главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: babaevmm@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1656-2529>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пудовочкин Ю.Е. Темпоральные наблюдения динамики преступности / Ю.Е. Пудовочкин, М.М. Бабаев. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(1).25-36. — EDN BMYOAR // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 1. — С. 25–36.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pudovochkin, Yuri E. — Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: 11081975@list.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>.

Babaev, Mikhail M. — Chief Researcher, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: babaevmm@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1656-2529>.

FOR CITATION

Pudovochkin Yu.E., Babaev M.M. Temporal Observations of Crime Dynamics. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 1, pp. 25–36. (In Russian). EDN: BMYOAR. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(1).25-36.